

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

В. Г. Виноградский, Л.С. Яковлев

АДАПТИВНЫЕ РУРАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ПОНИМАНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Авторы анализируют современную полемику по вопросам глобализации. Сделан вывод, в соответствии с которым сложившиеся подходы определяются априорными идеологическими установками. Концептуализации глобализации носят оценочный характер, телеологичны, поскольку подчиняют аналитические суждения прогнозным. Представляется важным, для оптимизации процессов осмысления феномена глобализации, изучение ее логики в конкретных областях.

Интересный материал предоставляет аграрный сектор российской экономики. Особенности регионализации определяют углубляющуюся депривацию большинства сельского населения. Ее действительное преодоление оказывается возможным на основе интеграции сельских локалитетов в общности более высокого порядка. Глобализация активизирует, на основе маркетинговой ориентации аграрного производства, его ориентации на мировой рынок, механизмы интеграции, создающие иной тип организации социального пространства, более адекватный парадигме гражданского общества, принципиально новые модели связей, в которые могут быть включены жители села.

Ключевые слова: глобализация, аграрный сектор, социальная изоляция, интеграция, социальное пространство.

Key words: globalization, the agrarian sector of economy, social isolation, fusion, social space.

Перевод научных проблем в пространство идеологических дискурсов способен лишь создавать иллюзии простых решений, на деле подменяя продуктивные интерпретации ложными конструктами. В полной мере сказанное относится и к осмыслению процессов глобализации. Их идеологизация, с одной стороны, порождает концептуализации, подменяющие научное объ-

яснение апологией позитивных изменений, связанных с устранением ограничений свободного перемещения людей, идей, товаров, с другой — эмоциональные описания краха всей привычной реальности под воздействием глобализации. Разрушение государственности, криминализация экономики, появление «подпольного мирового правительства» представляются при этом неизбежными ее проявлениями.

Предметный анализ любых процессов, связанных с глобализацией, предполагает предварительное уточнение понимания самого этого феномена. Между тем, единого понимания глобализации в современной науке нет. Более того, сложившиеся подходы в существенной мере противоречивы. В позитивных трактовках глобализации акцент делается на эффекты масштабирования, расширение поля свободы (включая мобильность граждан, идей, товаров; расширение доступа к информации), преодоление связанных с изоляционизмом тенденций ограничения прав и свобод граждан.

Наряду с позитивными присутствуют и негативные, часто резко негативные, оценки глобализации. По суждению папы Бенедикта XVI, в условиях глобализации мировая финансовая система отошла от своей основной цели — быть стимулом долгосрочному росту и созданию рабочих мест (Папа Римский... 2008). Одну из достаточно популярных на сегодня точек зрения представляет В.А. Номоконов, утверждающий, что глобализационные процессы способствуют криминализации общества (Номоконов // <http://www.crime.vl.ru>).

Взвешенную позицию демонстрирует Полин Барет-Рид. По ее оценке, после вступления в ВТО Россия получит возможность участвовать в конкурентной борьбе с другими странами мира, создавая условия для инвестиций — иностранных и внутренних — в продуктивные и конкурентоспособные отечественные предприятия. Россия будет конкурировать с другими государствами путем создания политической, структурной и институциональной среды, стимулирующей предприятия к дальнейшему развитию, повышению производительности и конкурентоспособности (Барет-Рид 2005).

Разумеется, в оценках глобализации присутствуют не только конъюнктурные моменты, неизбежные, когда речь идет об интерпретациях тех или иных явлений, приобретающих выраженные идеологические формы. За критикой глобализации стоит естественное сопротивление общностей, сохранение идентичностей которых перестает быть гарантированным. Происходит то же самое, что имело место при смене *Gemeinschaft* *Gesellschaft*. Национальное государство отмирает вместе со всеми своими структурами. Происходит отказ не только от национальных валют, но и от считавшихся безусловными прерогатив в области регулирования экономики, идет пересмотр концепций гражданства, а, следовательно, гражданских прав, системы социальных гарантий.

Естественно, многими политиками, рядовыми гражданами, исследователями, публицистами происходящее может восприниматься как крах цивилизации. На деле же происходит лишь смена форм. Система национальных государств весьма мало была похожа на идеал; собственно, она за таковую

вряд ли принимается и консерваторами, всего лишь болезненно воспринимаемыми неадаптивность привычных структур к меняющимся условиям. Во всяком случае, эта система перманентно порождает этнические конфликты, тоталитарные режимы, варварские формы эксплуатации. Существо проблемы заключается, однако, не в корректности ее сравнения со складывающейся новой системой. Мы не имеем возможности выбирать между ними; речь идет лишь о стратегиях адаптации. Принять глобализацию как неизбежность означает выстраивать их применительно к новым реалиям. Стать на путь антиглобализма означает пытаться спорить с магистральной тенденцией современных обществ.

России свойственно переживать общемировые процессы, придавая им своеобразие, воспринимаемое иногда как проявление уникальности. Достаточно очевидно это и применительно к логике глобализации в аспекте изменения механизмов и форм организации социальных взаимодействий в сфере организации производства. При этом максимальным становится своеобразие при обращении к процессам в аграрном секторе. Привычная поселенческая, социальная среда современной российской деревни редет и рвется буквально на глазах. Налицо феномен того, что можно обозначить как процесс фрагментирования, взаимоотдаления и взаимоотделения, как определенную социальную изоляцию.

Устойчивой чертой российской действительности стало исчезновение сельских поселений, темпы которого продолжают нарастать. Состояние глубинной, «окраинной», капиллярной деревенской поселенческой среды приближается к критическому (отсутствие мест приложения труда, постарение населения, стремительная натурализация сельскохозяйственных угодий). Исчезают традиционные профессиональные, культурные, экономические и иные «ниши» и соответствующие им идентификации. Значительная часть сельского населения блокирована от благ цивилизации, «заперта» в ограниченном социально-территориальном пространстве, для нее перекрыты каналы взаимодействия с другими социальными группами.

Существенные проблемы связаны с депривацией сельского населения, обусловленной физическими и социальными ограничениями доступа к значимым сервисам. В нашем исследовании 2007 г.* выявлено соотношение причин посещения областного центра жителями села. В 41,87% случаев это необходимость, связанная с получением услуг учреждений здравоохранения. Сельские ФАП (фельдшерско-акушерские пункты), поликлиники, больницы по уровню кадрового потенциала и материальной базы не в состоянии оказывать полный объем необходимых услуг. Такая практика существует во

---

* Исследование проводилось в 2007 г. рабочей группой в составе представителей Саратовского аграрного университета и Поволжской академии госслужбы. Анализировались проблемы, связанные с развитием социальной активности населения, становлением местного самоуправления. Был осуществлен анкетный опрос в Саратовской, Волгоградской, Пензенской областях (выборочная совокупность 680 респондентов, специалистов и работников предприятий аграрного сектора, фермеров).

всем мире: нет смысла поддерживать деятельность клиник всех профилей в местностях, где их услуги будут востребованы весьма ограниченно. Но из этого не следует, что человек, имевший неосторожность родиться в полутора тысячах километров от столицы своей страны, не имеет права на качественную медицинскую помощь. Размещение медицинских учреждений определяется целесообразностью, но за нее не должен расплачиваться житель села. Социальная справедливость состоит не в строго равномерном распределении трансфертов, а в том, чтобы каждый гражданин получил объем услуг, положенных ему согласно пакету прав и гарантий.

Второе место среди нужд приезжающих в областной центр селян занимает посещение государственных учреждений (32,16%). Именно здесь открываются возможности реальной экономии: лишь предельно отсталая, варварская бюрократия на уровне работы приказов Московского царства поры Ивана Грозного может непременно нуждаться в личном прибытии человека с челобитной для разрешения его дела. Сформулированная в программе административной реформы концепция электронного правительства открывает реальные возможности достижения подлинной демократии, цивилизованного диалога власти и гражданского общества. Именно в России эти возможности особенно важны, поскольку только резкий переход к прозрачности электронного обмена позволит оборвать дурную традицию, связанную с неразвитостью формализации управления, которое не формализовано в настоящем смысле, а всего лишь бюрократизировано.

Четверть (23,86%) жителей села (и при этом его наиболее активная часть) посещает областной центр в связи с учебой. Здесь также открываются возможности экономии. Если далеко не все медицинские услуги могут быть предоставлены на расстоянии (хотя и в этой сфере некоторые возможности имеются), то возможности дистанционного обучения могут быть использованы существенно шире, нежели это имеет место. Нам представляется, что одной из важных причин медленного развития дистанционного обучения является доминирование традиционной установки на акцентирование дисциплинирующей роли педагога. Только если полагать нормальным положение вещей, при котором предполагается, что обучающиеся должны быть понуждаемы к овладению знаниями, без стационарных учебных заведений, контроля посещаемости, воспитательных бесед с нерадивыми не обойтись. Но как никто не может насильно быть сделан счастливым (Вл. Соловьев), так нельзя никого силой сделать классным специалистом. Учащийся должен рассматриваться как *единственное* лицо, заинтересованное в собственном образовании. Обязанность учебных заведений — предоставить знания в квалифицированно подготовленной форме желающим их усвоить, а не понуждать к учебе. В пространстве этой парадигмы образования развитие его дистанционных форм станет реальным.

За счет развития различных форм бытовой кооперации в значительной мере может быть сокращена необходимость, существующая для пятой части всех респондентов, выезжать для продажи сельхозпродукции. Наконец, услуги в области культуры также могут в значительной мере предоставлять-

ся дистанционно. Индивидуализация культурного потребления, становящаяся магистральной тенденцией постсовременности, создает для этого оптимальные предпосылки.

Тем не менее, пока не созданы организационные формы, позволяющие сократить нужду в поездках, необходимо рассматривать их реальные условия. Средняя по выборке дистанция от места жительства до районного центра составляет 19,375 км. Разумеется, она составляется из существенно различных, в диапазоне от 1 до 150 км, расстояний. 47,51% живут на расстоянии 10 и менее километров, 11,7% далее пятидесяти. Конечно, эти расстояния для некоторых других регионов страны не покажутся существенными. Но трудности каждого человека существуют независимо от того, насколько они масштабны в сравнении с трудностями других людей. Расстояние до областного центра оказывается значительно больше, в среднем 131,294 км. Здесь мы имеем разброс от 3 до 360 км. При этом ближе 25 км проживает 14,89%, а дальше 100 — 58,15%. Таким образом, те поездки, о которых шла речь чуть выше, более чем для половины респондентов представляют собой достаточно трудоемкую операцию. Впрочем, иногда на селе и 20 км оказывается расстоянием, сопоставимым с сотней: к областному центру чаще ведет шоссе, а вот до райцентра приходится добираться по грунтовке, и нередко даже дольше.

Дистанция измеряется отнюдь не только в километрах. Поездка в райцентр в среднем по выборке обходится в 57,03 рубля. При этом разброс в стоимости от 5 до 500 рублей. Съездить в областной центр дороже: 247,54 рубля, с разбросом от 10 до 750 рублей. 26,95% тратят более 100 рублей на посещение райцентра; для 44,32% поездка в областной центр обходится дороже 250 рублей. При этом стоимость поездки влияет на соотношение ее мотивов. Для группы со стоимостью визита в областной центр более 300 рублей картина следующая: удельный вес лечения и посещения госучреждений те же, что по выборке в целом, зато меньше доля продажи продукции ЛПХ, и за счет нее несколько увеличиваются другие. Общая интенсивность поездок 26,17 (в то время как в целом по выборке 29,57). Иная картина по группе, для которой поездка стоит менее 100 рублей: общий показатель интенсивности здесь заметно выше, 32,17. Единственное, что остается практически неизменным — удельный вес поездок с целью лечения. Люди ездят в медицинские учреждения столько, сколько нужно, и здесь стоимость лишь усугубляет их трудности, но не заставляет переменить решение. Зато вырастает доля поездок с целью продажи продукции ЛПХ, что хорошо с точки зрения маркировки процесса интеграции в рынок, но не совсем хорошо с точки зрения демонстрации того, насколько этот рынок примитивно организован. Существенно возрастает и доля посещений госучреждений, что однозначно плохо. Больше оказывается и вес поездок с образовательными, культурными целями.

Стоимость и другие условия поездок, разумеется, определяются не только расстоянием, но и видом используемого транспорта. Для поездок в райцентр преимущественно используется собственная машина, на втором месте в рей-

тингге — рейсовый автобус, все остальные возможности используются существенно образом слабее. Реже всего фигурирует электричка, что говорит о слабом развитии пригородных железнодорожных линий; конечно, при проведении опроса в Московской области мы получили бы иные данные.

В высшей степени примечательно, что не оправдалось предположение относительно большей частоты использования транспорта соседей, родственников, по сравнению с попутным. На деле эти возможности почти равноценны. Использование ресурса социальных сетей с той же частотой, что и попутного транспорта, говорит о многом. В принципе, были основания предположить, что люди, собравшиеся в город, не найдут для себя затруднительным взять с собой родных или соседей. С точки зрения потенциальной возможности так оно и есть; ситуация связана не с отказом в просьбе, а с углублением индивидуализации сельской жизни. Население современной деревни не отправляется в город гуртом, как средневековые крестьяне на ярмарку; у всех свои проблемы и заботы, возможности и необходимости разных семей не совпадают. Это определяется, прежде всего, именно целями поездок и интенсификацией сельской жизни. Если раньше она была намного однообразнее и предполагала возможность и необходимость пауз, в том числе, используемых и для совместных посещений города, сегодня положение изменилось.

С поездками в областной центр дело обстоит несколько иначе. Первенство переходит от собственной машины к рейсовому автобусу, что вполне понятно: бензин дорог, а автобусная связь с областным городом, как правило, более устойчива, нежели между местом жительства и райцентром (вариантов, собственно, два: сесть на проходящий автобус, или, если поселение не лежит на маршруте, приходится ехать в райцентр и уже там садиться на рейсовый автобус до областного центра). Электричка в данном случае оттесняет другие маргинальные виды транспорта, что тоже естественно: железнодорожная ветка скорее ведет в областной центр, нежели в районный (до него, собственно, можно доехать по ней лишь в том случае, если поселок, где живет данная семья, и райцентр лежат на одной ветке; специально между ними ее, конечно, никто не проложит). Езда на попутных машинах используется значительно реже: расстояние больше, случаев меньше, да и люди на областной трассе менее вероятно знакомые, в то время как между поселком и райцентром практически только знакомые и едут. Наконец, сетевые ресурсы используются в данном случае интенсивнее: поездка в областной центр сопряжена, как правило, с более острой необходимостью, и в этом случае можно более настойчиво просить об услуге, можно и подождать случая, подстроиться под возможности человека с машиной.

В целом мы видим, что депривация жителей села, затрудненность физического и социального доступа к сервисам создает ощутимые трудности в реализации насущных потребностей. Ее преодоление выступает одним из условий успешного социального развития села.

В научных разработках и публицистике можно встретить утверждения, что реализация модели взаимной ответственности субъектов социальной по-

литики способна смягчить проявления социальной изоляции. Полагают, что компенсацией ослабления патерналистских, государственных форм поддержки села является механизм современных форм взаимопомощи, опирающийся на нормы традиционной общинности и солидарности, исторически присущие сельскому населению. Но возможности реализации этой модели ограничены слабостью структур гражданского общества в современной России. Кроме того, «современные формы взаимопомощи», как установлено в работах современных российских социологов (Барсукова 2003; Градосельская 1999; 2003; Никулин 1998; 2002; Фадеева 1999а; 1999б; 2007), отнюдь не опираются всецело на общинность. Они основываются, прежде всего, на прагматическом расчете, на взаимовыгодных контракциях, на стремительно отвердевающем экономическом базисе.

Как показывают наши наблюдения, ключевую роль в сохранении жизнеспособности и элементарной «исправности» поселенческой среды все более последовательно реализуют сезонные мигранты, — так называемые «дачники». Эта социальная группа сравнительно немногочисленна, но весьма деятельна и вполне эффективна. Прежде всего, потому, что она пытается реализовать присущий ей экономический, культурный, человеческий, символический и физический капиталы в таких формах, которые могут быть поняты, усвоены, переработаны и приняты местным сообществом. Что же касается капитала социального, то он в данной среде также накоплен, но функционирует и реализуется социальный капитал «дачников» весьма противоречиво.

В ходе качественных социологических исследований, базирующихся на мягких процедурах наблюдения, а также на записях пространных нарративов, осуществляемых на основе методологии «двойной рефлексивности» (Т. Шанин), непременно обнаруживаются некие ключевые, центральные информанты. Их высказывания и оценки можно расценивать как представительный и развитый голос того социума, который они выразительно символизируют. Во время крестьяноведческой экспедиции июля-августа 2004 г.* мы систематически общались с семьей дачников-москвичей (Сергей Жуков и Людмила Куликова), в течение 10-ти лет сезонно живущих в одном из сельских районов Костромской области. По их словам, они совсем не одиноки. В деревне Хлябишино, где живут Жуковы, а также в пяти окрестных поселениях насчитывается более 45–50 семей горожан, на зиму уезжающих

---

* Экспедиция по гранту РФФИ «Тенденции “клеточной” глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты» (проект 03-06-88010) проводилась с целью изучения процессов, в результате которых в России возникают и постепенно формируются новые формы смешанных сельско-городских сообществ, воплощающие некоторые глобальные тенденции. Экспедиция базировалась в Угорском сельсовете Мантуровского района Костромской области. Ее участниками были профессора Н.Е. Покровский, С.Н. Бобылев, В.Ф. Петренко, В.Г. Виноградский. Более подробная информация на сайте www.ugory.ru. См. также: (Современный российский Север 2005; Покровский 2005; Виноградский 2007).

в Москву, Кострому, Санкт-Петербург и другие города. В ходе интервью были выявлены установки, ценностные системы респондентов, достаточно характерные для интересующей нас группы в целом. В дальнейшем изложении мы будем опираться на интервью, записанные в ходе общения с этой семьей.

Откуда взялись эти люди? Массированный приход жителей столицы и областных центров в сельскую глубинку стартовал в начале 1990-х гг., когда были сняты административные и юридические запреты на приобретение городскими жителями деревенских усадеб. И даже не сняты, а попросту — забыты, устранены, игнорированы. Характерный индикатор такой юридической половинчатости и административного лукавства: при оформлении прав собственности на дом новоявленный хозяин должен был подписать обязательство — ежегодно сдавать в колхозный фонд, скажем, тонну картофеля, центнер молока, пять мешков лука и т.п. Эта «филькина грамота» должна была служить сигналом, что городской дачник якобы обязуется производить сельхозпродукцию. И он тем самым превращался во временно проживающего в деревне колхозника. Такого рода «социально-экономическая прописка» успокаивала обе стороны — и местное начальство, и самих приезжих. На самом же деле, в селе появились люди, которые объективно обозначили контуры новой общественной структуры, способной внести в здешние социально-экономические и культурные отправления некие новые черты. И эта способность базировалась на личностных свойствах этих людей.

Кто эти люди? Наступило время, когда в деревне обосновались и начали сезонно жить горожане, социально-экономический портрет которых содержит следующие важные черты:

1) наличие значительных объемов свободного времени (большие летние отпуска, возможность систематических каникулярных и праздничных отлучек);

2) гарантированный (хотя и небольшой) доход, подкрепляемый не требующими больших временных затрат подработками (репетиторство, гонорары, услуги) и позволяющий экономно прожить в деревне.

Респондент: — *Для тех слоев городского населения, которые сильно угнетены в городах, деревня вдруг приобретает новый смысл. Для развития хотя бы своей человеческой природы, натуры. Не говоря уж об экономической стороне дела. Да! Это немаловажно! Вот, мы все здесь преподаватели. Мы не можем себе позволить остаться летом в Москве, живя на те деньги, которые нам выдали на отпуск. А здесь мы на них замечательно существуем.*

3) высокий уровень образования и достаточно заметная степень развитости профессиональных умений, полезных в деревенском обиходе (строительные навыки, инженерное мышление, работа с механизмами).

Интервьюер: — *Как же вы подняли этот безнадежно заваливающийся дом?*

Респондент: — *Просто — на таях. И даже не на таях. На железнодорожных домкратах. На системе двух домкратов...*

Интервьюер: — А что, ваш муж — профессор по инженерной части?

Респондент: — Нет, он не профессор, он школьный учитель. Химии. Мы — химики оба. Мы кончали Институт тонкой химической технологии. Муж работал в системе Академии наук. А потом, когда все развалилось, он должен был пойти работать в школу. Последние десять лет он работает в школе учителем. А вот это все, вся эта кирпичная кладка, это, по большому счету, — опыт строительных отрядов. Он не умеет работать с деревом, он умеет работать с кирпичом. И он делает так, как умеет. Но получается хорошо.

Каковы основные черты их мотивации? Необходимо подчеркнуть, — мотивации покупки домов и сезонного проживания горожан в деревне самые тривиальные. По крайней мере, таковыми они выглядят:

С. Жуков: — Зачем я здесь живу, и то, что я делаю, — я делаю не только для какой-то практической пользы. Я занимаюсь домом для здоровья. Это полезно. Это мне уже просто необходимо. Ведь тяжелее компьютерной мыши мы дома, в Москве, ничего не поднимаем. Мне надо физически трудиться, чтобы организм самостоятельно приходил в нормальное состояние. Физическая нагрузка нужна, некое изнурение самого себя. А потом баня, хороший сон. Вот это мне надо, чтобы чувствовать себя нормально. И меня еще может хватить на следующий год.

Людмила Николаевна: — А у меня вот такая мотивация. Когда я покупала дом, я ориентировалась на природу. Я очень люблю лес. И для меня важно не это, не дом, не уют, а возможность общения с природой. Я очень люблю ходить за грибами, за ягодами. Вообще, лес для меня очень много значит. И если бы не внучка, я бы тут с вами не сидела! Меня ведь в деревне «проходимцей» зовут. Вернее, — проходимкой, как одна бабушка сказала. Ведь они в деревне мало ходят в лес. А для меня это — одно удовольствие. Они: «Как ты не боишься одна ходить по лесу?...» А я люблю ходить по лесу одна. В мой любимый Баженский лес я хожу за брусникой. С пестерем за плечами. Я редко покупаю ягоду у местных. Стараюсь сама. А кроме леса вот еще что — сама возможность пожить в деревянном доме. Хотя бы два месяца.

(входит Ольга, соседка, тоже москвичка)

С. Жуков: — Вот — соседка. У них такая же мотивация, как у Людмилы Николаевны. Оля, скажи, почему ты сюда приехала?

Ольга: — Ну, не бывает только одной причины. Во-первых, поскольку у меня большой отпуск, два месяца — надо ведь его использовать. Мы все — преподаватели. Второе — маленькие дети. Я живу здесь десятый год. Тогда Дашке было шесть лет, а Настасье — восемь с половиной. Родители мои в Казахстане живут, — туда я ездить не могла. Не наездилась. Кроме того, Дашке моей нельзя на юг ездить. Кроме того, здесь замечательные условия для отдыха.

Таким образом, горожане особо подчеркивают рекреационные, оздоровительные компоненты своего деревенского существования. Однако если всмотреться в типичную структуру этого «отдыха», — получается, что эта

якобы «рекреация», ягодно-грибное «проходимость» образуется из больших, сложно организованных, да к тому же и привязанных к многолетней перспективе, рационально распланированных массивов высокопрофессионального труда.

Чем эти люди занимаются? Необходимо подчеркнуть, что горожане, приехавшие в начале 1990-х гг. в деревню, буквально подхватили, взяв в свои не слишком мощные руки внезапно ушедшую из села заботу государства об элементарной налаженности поселенческой среды. Этот резкий контраст еще жив в памяти людей:

С. Жуков: — *Здесь, — до того момента, когда мы купили дом, еще при советской власти — здесь все было замечательно. Тогда, помнится, был период, когда действовала программа подъема Нечерноземья. Куча денег вбухивалась в эту местность. Все стоило копейки — краска, стройматериалы, лес, шифер и прочее. Какой тут магазин был прекрасный! А в райцентре Мантурово?! Что хочешь покупай — в Москве такого не найдешь.*

В местном магазинчике, который сейчас уже разграбили, от него один остов остался, — там все что хочешь было. Одежда, посуда, холодильники. Сейчас пришли какие-то демократы, в магазинах нет ничего, жрать нечего, денег не дают, и еще какие-то странные москвичи приезжают, дома покупают.

Главное — в том, что именно эти люди делают с купленными домами. Жилые дома в современной нечерноземной (и не только нечерноземной) деревне — буквально на грани исчезновения. Если о них не позаботиться, они погибнут в течение ближайших трех-пяти лет. Избы строились, как правило, в начале прошлого века и до Великой Отечественной войны. В послевоенных, более или менее исправных постройках сейчас живут те люди, которые в свое время выделались из родительских хозяйств. Старинные же строения продаются. Их покупают горожане и начинают неторопливую реставрацию — как самих домов, так и ближайшей среды обитания.

В данном случае весьма показательна история подъема дома и ремонта крыши. Целесообразно привести эти развернутые истории, по существу, социально-технологических мероприятий.

Кейс 1: «Подъем дома». **С. Жуков:** — *Печка в доме просто замечательная. Огромная! В других домах таких я не видел. Когда мы приехали, труба была в очень плохом состоянии. Трещины, все разваливается. Переложил я ее. Прожили несколько лет. Смотрю, — опять трещины. Опять переложил. Опять — трещины. Стал думать — что такое? В чем дело? Выяснилось, что, оказывается, печка стоит очень странно. Одной стороной она стоит на переводах, а другой — на бревенчатых подпорках-сваях. В результате — такой хитрый шарнир получается. Дом садится, — он же без фундамента, — садится вот на ту сторону. Дом садится, печка поворачивается, потолок нажимает на трубу, труба трескается. Эта «борьба» с печной трубой привела к тому, что пришлось поставить дом на фундамент. Обычно все дома здесь стоят на камнях. По углам лежат огромные валуны. На них ставится сруб. Потихонечку все это подгнивает, садится. Дом начина-*

ет перекашиваться. Что и происходило с этим домом. Так что пришлось выкинуть все сгнившие снизу бревна и поставить дом на кирпичный фундамент.

Местные жители в таких случаях подводят новые бревенчатые венцы. Но я этого делать не умею. Для меня это слишком сложно, да и в одиночку это просто невозможно. А кирпич, — это все-таки не бревно, он полегче. С ним проще. Поэтому я из кирпича фундамент и сделал. Пришлось, правда, вот эту сторону дома поднимать. Поднял я ее сантиметров на 15–20. Все это делалось с помощью двух огромных железнодорожных домкратов. Это была, конечно, совершенно каторжная работа. Но вместе с тем на 20 сантиметров — вместе с двумя печами, вместе со всем тем, что внутри дома, — все-таки удалось поднять. Ну, а после этого выяснилось, что теперь дом-то стоит крепко и неподвижно, но начинает садиться двор. То есть — вторая, нежилая половина дома.

Вот то, что называется здесь «двором». Крытый двор, типичного северного типа. Здесь два этажа. Нижний этаж занимает хлев. И еще пространство, где держали лошадей. А верхняя часть — сарай, где хранилось сено. Двор — очень большой. По сравнению с домом он примерно раза в два с половиной больше. И там довольно сложный фундамент. Поэтому возни с ним было на два года. Я его тоже поставил на фундамент, чтобы он не расползлся. При этом выяснилось, что очень вовремя. Потому что он начал деформироваться так сильно, что через несколько лет развалился бы.

Кстати, этот двор интересен сам по себе. Он был построен как раз перед началом Первой мировой войны. То есть в 1913 г. И вот до сих пор сохранился в таком виде. Его даже не перебирали. За это время он сел очень сильно. То есть — сгнили нижние бревна. Венцов пять сгнило. Видите, — раньше, говорят, в эти ворота (здесь раньше были ворота!) въезжали на лошади, не распрягая ее. То есть вместе с дугой. Так вот, — сейчас тут не только въехать, — войти невозможно. В итоге я понял, что оставлять это как ворота — бессмысленно, и сделал вот такое окно.

В результате всех этих действий дом обновился и похорошел настолько, что бывшая его хозяйка простодушно пожалела о том, что его в свое время продала.

Кейс 2: «Ремонт крыши». С. Жуков: — В первый год приезда мы должны были заниматься тем, чтобы заделать верх. Крышу восстановить. Местные жители перекрывают дома весьма своеобразно. Крыши здесь когда-то были покрыты дранкой. Так вот: они, по этой дранке, ничего не снимая, ничего с ней не делая, — кладут рубероид. Ну и, видимо, некоторое время все дома были таким рубероидом закрыты. А потом, по рубероиду, ничего не снимая, — кладется шифер. Главное, — гвозди подлиннее, доски, которыми прижимают рубероид, — пошире. Понятное дело, — я воспроизвести это не смог. Я не смог таким диким путем пойти. Так что первым делом мы с крыши сняли дранку. Со всей этой огромной крыши! Сколько там десятков квадратных метров? Ширина этого сооружения, дома, — восемь метров, а длина — двадцать. То есть 160 квадратных метров.

Так вот, — мы содрали дранку, и, наверное, неделю сидели наверху втроем, с сыном, на этой крыше, и стучали молотками. Забивали огрызки драночных гвоздей. Для того чтобы они нам рубероид не проткнули...

Зрелище было, конечно, потрясающее! Со всей деревни люди приходили. Якобы проходя мимо — с косой, с граблями. Но всегда останавливались и долго смотрели, — чего же они там, на крыше делают? Трое сидят и колотят молотками. В итоге мы, конечно, все эти гвоздики либо вытащили, либо забили, либо загнули. Там на квадратном метре их было штук 900! Дранка ведь прибивается очень большим количеством гвоздей. И гвозди длинные. Было несколько исторических слоев, с 1913 г.

Вот — три дятла, несколько дней, почти неделю сидели на крыше и долбили. А потом местный народ опять стал ходить на экскурсию, потому что мы вместо того, чтобы широкими досками прибивать рубероид, мы его, видите ли, приклеивали. Ну, понятно, на битумную мастику, как это по-человечески и делается. Любой строитель, в городе, приклеивает рубероид на мастику. Ну, мастики тут не было. Просто мы заправляли расплавленный битум соляркой и на эту смесь приклеивали. Держится прекрасно! Людмила Николаевна у нас была «костровой». Она внизу готовила эту смесь. Потом ведрами поднимали. Я ползал по крыше и все это дело промазывал. Народ, конечно, очень сильно удивлялся. Потом, когда они убедились, что это, действительно, эффективно, то я подумал, — ну хоть кто-нибудь, может быть, так же будет делать? Перенимать опыт будет? Как ни странно, — со всей деревни (а может быть, и не с одной деревни) только один мужик стал так делать. Но он — довольно продвинутый мужик. Сейчас-то он на пенсии, но он — шофер. То есть у него какие-то зачатки технического образования имеют место...

То есть он понял рациональность этого метода. Он не стал разводить костер. Он взял паяльную лампу. Он на паяльной лампе расплавил эту смесь. То есть он немножко продвинул технологию, сделал ее для себя более удобной! Ну, простоял это рубероид у нас долго. Лет восемь. И потом мы почувствовали, что настало время, и в прошлом году перекрыли-таки шифером. Возраст, старею — потом-то уже сложно будет это осуществить.

Каковы отношения «дачников» и «местных»? В нынешней деревне образовалось как бы два параллельных, сосуществующих социально-культурных сообщества. С одной стороны, это бывшие хозяева домов, которые они продали москвичам, питерцам, вообще — посторонним. Эти люди, живущие рядом с новыми хозяевами, которые буквально поднимают их «деревянную родину» из руин, хорошо понимают, что продали свои дома за бесценок, но иного выхода не было. И поэтому — глухое недовольство, настороженность, своего рода зависть. С другой стороны, приезжие дачники, обладающие относительным достатком, инженерными и техническими умениями, азартно и аккуратно восстанавливают дома, ведут рекреационный образ жизни, ловят рыбу, собирают ягоды и грибы, растят детей и внуков. В общем, живут иначе, чем местные, и у них все получается. Как тут не возникнуть глухому, внутреннему конфликту, замешенному на собственном

бессилии, беспомощности? Вот характерная сцена, раскрывающая тонкости подобного рода отношений:

Интервьюер: — *А как бывшая хозяйка относится к вашим инновациям? Она их одобряет? Какова ее оценка того, что вы делаете в доме?*

С. Жуков: — *Она довольна. Просто потому, что вот эта ее «родина» (как они тут говорят) простоят дольше. Хотя бы поэтому. Иначе все бы здесь давно уж развалилось. И его бы давно начали бы жечь, — распилили бы на дрова за эти годы. (Задумывается.). Конечно, распилили бы! Потому что если бы не мы, то буквально через два года здесь рухнули бы стропила. По сути, — дом мы просто спасли.*

Людмила Николаевна: — *Когда я покупала этот дом, и мы с ней шли к этому дому от ее дома, где она живет (в другой стороне деревни), она говорила мне: «Ну, что ты идешь? Ты не купишь ведь!» Семь лет, представьте себе, дом простоял бесхозный. Вот, муж рассказывал про дыру в потолке... И так далее. Ну, вот, я пришла. Все вокруг поросло крапивой. Было полное запустение. Сюда приходили алкаши, — водку попить. Представляете? Крестьяне — они товар лицом не показывают. Они открывают то, что есть, — весь этот бардак, — и он перед тобой. И ты это покупай!*

И вот после того, как мы дом подняли, перекрыли крышу, тогда еще рубероидом, к ней пришли деревенские бабы. И сказали ей: «Ты что, — с ума сошла, такой дом продала? Такой хороший».

Однако подобного рода конфликт не фигурирует на поверхности, потому что одни субъекты данного сельского мира весьма нуждаются в других. Крестьяне нуждаются в горожанах-дачниках, которые платят живые деньги, предоставляют работу по мелкому обслуживанию, являются покупателями молока, ягод и т.п.

Городские также нуждаются в крестьянах — у них можно что-то купить, выменять, нанять на какую-либо работу, попросить присмотреть зимой за домом. В результате подобного симбиоза вырисовывается некая линия социально-экономического сосуществования, которая способствует сохранению очагов скромной деревенской жизни, — пусть даже сезонных. Летом деревня заполняется новыми людьми, и — сорняк выкашивается, уголья используются, дома и заборы чинятся, родники и колодцы прочищаются, водопровод подвергается профилактике. Иначе говоря — не наблюдается та мерзость запустения, которая непременно имела бы место, вымирай деревня в одиночку.

Такого рода сценарий, разумеется, паллиативен, как временная, слабая подпорка. Однако не исключено, что именно «накопления» этого периода помогут преодолеть нижнюю точку синусоиды и сохранить поселенческую среду для нового витка ее освоения, связанного с «клеточной глобализацией» (см.: Покровский 2005).

Можно сказать, — и такие мысли сейчас присутствуют в социологическом дискурсе (см.: Нефедова, Пэллот 2006; Покровский 2005), — что естественно возможной основой будущего российского «постиндустриального» уклада может оказаться российское постколхозное (а, по сути — вновь вос-

ставшее из небытия доколхозное) село. Оно может вновь сыграть роль полноценной среды обитания, а вовсе не интенсивного аграрного сектора военно-индустриальной империи. И эта возможность может быть обеспечена именно элементами и некими адаптированными формами клеточной глобализации.

Достоинства подобного рода сельского социума связаны с экологичностью, экономичностью и неограниченной трудоемкостью. На ограниченной территории, при минимальном расходе ограниченного набора минералов, обеспечивалась многовековая (и бесконечная — в перспективе) оседлая жизнь здорового населения. Веками неисчерпаемая деревня служила основным источником материального и человеческого ресурса для постоянно растущего государства. Главный недостаток прежнего сельского уклада вполне очевиден — крайне ограниченная возможность формирования спектра социально-культурных потребностей и вообще — самореализации социального субъекта (несмотря на ощутимо большие объемы свободного времени в сельское межсезонье). За образованием и «мировой» культурой, за возможностями для творчества, коммерции, производства («бизнеса»), за достижениями науки и многим другим деревенский люд вынужден был традиционно отправляться в города. Именно городские ареалы со временем (особенно благодаря эпохе НТР) прочно утвердились в роли локомотивов прогресса, «центров цивилизации» и «дверей» в большой мир.

Возможности современных телекоммуникаций уже позволяют связать жителя сельской глубинки с мировыми информационными полями различного назначения и специализации не хуже, чем жителя центра Москвы. Интернет-коммерция, охватывающая в принципе все население, позволит упорядочить стихию десятков миллионов равномерно распределенных производителей-потребителей, максимально снизив торгово-обменные издержки.

В качестве первоначальных выводов целесообразно зафиксировать некоторые тенденции, которые были обнаружены в ходе уже упоминавшейся выше социологической экспедиции в глубинных сельских поселениях севера Российской Федерации (Костромская область).

Новая система рационализации. Эффективность, прежде всего экономическая: Наблюдения показывают, что в последнее время превалирует именно экономическая компонента в повседневной жизни. Соображения простого дохода заставляют людей овладевать новыми профессиями, уходить на сезонные работы, или, напротив, бросить официальное рабочее место ради максимизации прибыли от личного подсобного хозяйства или промысловой деятельности.

Просчитываемость и предсказуемость: Данные индикаторы особенно заметны сегодня в рамках тех сельских микросоциумов, которые обретают в деревне временное (сезонное) пристанище. Это, прежде всего, городские жители, живущие в Москве, Петербурге и других «миллионниках» и выезжающие в село для решительной экономии ресурсов, прежде всего, финансовых. Эти люди в рамках простых количественных моделей умеют просчитывать бюджет семьи, микробизнеса (заготовка продуктов на зиму, например).

Всеохватность и комплексность изменений. Ни одна из социальных практик сельской повседневности не осталась неизменной в последние 15–18 лет. Однако эти изменения имеют различную напряженность в зависимости от их локализации. Наиболее заметно изменилась сфера приложения труда и радикально поменялась организация оставшейся производственной деятельности. Практики ведения семейного хозяйства изменились в сторону повышения их товарности, а также обеспечения элементарного физического выживания.

Налицо ощущение всеобщей изменчивости и пластичности повседневных практик. Сельские старики убеждены в скором вымирании деревни. Они считают себя последним «законным» поколением, умеющим жить в деревенской среде. Этот пессимизм не разделяется приезжими из городов людьми. «Всегда найдутся люди, которые любят и хотят жить в деревне...» Мотивировки в данном случае скорее эмоциональные и культурные. Но когда дело касается конкретных практик, начинает возобладать эффективность, просчитываемость и предсказуемость.

Изменяется восприятие географического пространства. В разговорах с респондентами фигурировала мысль о том, что транспортная доступность в 500–600 км является фактором не затрудняющим, а, наоборот, облегчающим практики миграций и делающим последние достаточно комфортными («Ужинаем накануне в Москве, потом ночной поезд и — завтракаем в родной избе в Хлябишино...») Таким образом, наблюдается такая важная характеристика клеточной глобализации, как акцентуированная географическая мобильность, готовность «сдвигаться» в пространстве, иммиграционная нацеленность.

Наблюдаются изменение в организации и восприятии социального пространства. Субъектам становятся неинтересными (иначе говоря, бесполезными, неэффективными) вертикальные этажи стратификации власти. «У нынешнего начальства бестолку что-то просить...» Люди дислоцируются всецело на своем социальном горизонте. Налаживаются равноправно и равномерно нагруженные плоские сети межсемейной поддержки. В рамках и пространстве этих сетей уравниваются права и достоинства, профессиональные и экономические позиции членов данных сетей.

Множественность культурных феноменов. Принцип и индикатор клеточной глобализации, содержание которого — «Каждый может быть любым», и связанное с этим произвольное формирование культурных гибридов из составных частей — обнаруживается в сельской социальной среде с большим трудом. Сведения о подобных проявлениях и феноменах приходится буквально выколачивать из респондентов. Можно сказать, что такого рода формула поведения скорее импортируется в наборе внешних форм — приверженность к нетрадиционным товарам (одежда, обувь), культурным атомам (музыка, кассеты с фильмами и клипами)

Таким образом, говорить о выраженной нравственной и культурной анархии, о броуновском движении культурных фрагментов можно, но лишь применительно к молодежи, приезжающей к родителям, бабушкам на каникулы,

а также применительно к детям городских дачников. Однако последних заметно ограничивают в демонстрации подобного рода культурных феноменов.

Новые шкалы престижей в потреблении только еще начинают вырисовываться. Прежде всего, в появлении в сельской среде технологических новинок в сфере быта (разнообразная домашняя техника и технология), мелкого производства (новые инструменты и силовые агрегаты, химические препараты и пр.).

Снижение интереса к государственной сфере. Политическая пассивность несвойственна современному сельскому социуму, однако это, скорее, реликтовое «излучение» политической гиперактивности глубинки в 1990-х гг. С течением времени нарастает ощущение неинтересности и, что гораздо существеннее, бесполезности, экономической импотентности действий государственных структур. Тревожное ожидание монетизации льгот — вероятно, последний отчетливо считываемый сигнал политической жизни сельской глубинки. Дальше, скорее всего, наступит довольно продолжительный период «социального бесчувствия» и нарастания суммы усилий в направлении выживания.

Примордиальные феномены и гражданское общество. Рост интереса к этничности и подчеркнутая самоидентификация («кто я», «откуда» и пр.) наблюдаются в практиках современных сельских жителей в охотном поддержании тем, связанных с коренными принципами досоветского крестьянского жизнеустройства. Эти чувства и интересы систематически подогреваются интересом горожан к продуктам и артефактам сельской жизни (старинные прялки, колокольцы, половики, деревянные изделия, этническая посуда). И если раньше деревня активно экспортировала эти предметы, то теперь, судя по некоторым высказываниям и действиям, начинает «придерживать» это в своем обиходе. Цель, видимо, двоякая — дожидаться роста цены и сберечь для своих. Как знак крестьянского рода и сельского жизненного локуса.

Весьма важный индикатор «клеточной глобализации» — Self-reliance, полагание на свои силы («никто не поможет мне, если не я сам») в социальных практиках глубинной российской деревни имеет место систематически. Необходимо только учитывать, что такого рода индикатор не есть результат сознательно выбранной стратегии, а вынужденная необходимость. Полагание на собственные силы имело место даже в пору расцвета колхозной жизни, поскольку коллективное хозяйство могло предоставить колхознику лишь энергоагрегаты (трактор, лошадь) и колеса (тележку, автомобиль). Все остальное лежало на плечах субъекта (накосить, нарубить, заготовить и пр.). В настоящее время услуги предоставляются частниками — в обмен на твердые деньги. Самогон как жидкая валюта повсеместно вытесняется из расчетных транзакций, которые приобретают денежную форму. Но это же обстоятельство сплачивает людей в том смысле, что субъекты, полагаясь на себя, рассчитывают на сети поддержки, в которых всегда возможны уступки, авансы и отложенные платежи.

Принцип «Имею право быть таким, каким хочу» можно пронаблюдать лишь в его внешних, культурно-демонстрационных формах. Это, кроме все-

го прочего, выражается и в том, что «чужака», нового человека принимают, если он не педалирует собственные отличия. То есть ты можешь делать то, что хочешь, и быть своеобразным, — если в твоих практиках фигурирует понятный и разгадываемый смысл.

Что касается такого индикатора, как рост институтов гражданского общества (свободное обсуждение вопросов общего интереса, создание групп по представлению интересов населения, наличие свободных неформальных лидеров), то это происходит весьма спорадически и, как правило, среди своих, неформально близких людей (соседей, родных и т.п.)

Городские жители («дачники»), обосновывающиеся в сельской местности. Появление в селе новых людей — важнейший индикатор клеточной глобализации. Эта проблема была освещена выше. Однако необходима дальнейшая работа, направленная на уточнение типологии городских сезонных мигрантов, а также на более полное понимание их мотивов. Особого внимания заслуживают следующие проблемы — чисто потребительское отношение к своей сельской собственности, вложение/не вложение средств в сельскую собственность, возникновение деловых отношений с местным населением, установление взаимовыгодных социальных союзов.

Перед российской деревней открываются, в веере возможностей, две основных альтернативы. Первая означает движение по пути, на который продолжают подталкивать страну остатки «аграриев». Это отказ от вступления в ВТО, попытки установить режим частичной экономической изоляции и в нем выстроить игрушечную экономику, игнорирующую тенденции мирового рынка, в которой цены устанавливаются в большинстве случаев произвольно, а государственные дотации рассматриваются сельхозпроизводителями в качестве основного источника денежных средств. Кроме того, эта стратегия предполагает и значительные вложения в социальную сферу. Результатом станет стагнация советского, по сути своей, аграрного сектора, с постепенным сужением поля выбора, за счет растраты ресурсов.

Вторая альтернатива, напротив, связана с реструктуризацией, диверсификацией, маркетинговой переориентацией сельского хозяйства, решительным углублением его интеграции в мировой рынок. В ее пространстве лишаются смысла попытки сохранить ранее сложившуюся систему хозяйственных субъектов, осуществлять программы поддержки занятости (например, посредством выноса на село филиалов тех или иных предприятий). Предполагается существенное сокращение населения, занятого непосредственно в сельскохозяйственном производстве, и, наряду с этим, расширение использования периферии крупных городов как зоны обитания значительной части их населения, занятой по схемам домашнего офиса. Осуществленный нами анализ показал, что шаги в этом направлении уже осуществляются.

Литература

Бажанов В. Возрождение архетипов? // Сценарии Интернет. 2001. № 6 (10 июня).

Барет-Рид П. Управление процессами глобализации в контексте вступления в ВТО // http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/news/2005/globalizationbarrett_ru.pdf.

Глобализация — процесс положительный, но не на сто процентов // <http://www.expert.ru/printissues/expert/2004/24/24ex-marrkec2/comments/>

Злобина О.Ю. и др. Женщина в третьем тысячелетии (глобализации и гендерные проблемы) // <http://www.owl.ru/content/openpages/.52250.shtml>.

Иванов Д.В. Структурные парадоксы глобализации и логика глэм-капитализма // Тезисы III Всероссийского социологического конгресса // http://www.isras.ru/abstract_bank/1208494954.pdf.

Казахстанская правда. 27.06.2008 // <http://www.zakon.kz/our/news/printt.asp?id=30189578>

Малышева М. Женщина и глобализация: опасения и надежды // *Женщина +*. 2002. № 2.

Межуев Б. Стоит ли бороться с глобализацией во имя национального государства? // <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/antiglobal/fight/?version=forprint>.

Номоконов В.А. Россия в фокусе криминальной глобализации // <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1382&print=1&more=1>.

Папа Римский: негативные аспекты финансовой глобализации ясно видны всем // NEWSru. 13.12.2008.

Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // *Мир России*. 2003. № 2.

Градосельская Г.В. Образовательно-экономические стратегии населения // *Вестник РУДН*, 2003. № 4.

Градосельская Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // *Социологический журнал*. 1999. № 1-2.

Никулин А.М. Кубанский колхоз – в холдинг или асьенду? // *Социологические исследования*. 2002. № 1.

Никулин А. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // *Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика* / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: Дело, 1998.

Фадеева О. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // *Неформальная экономика: Россия и мир* / Ред. Т.Шанин. М.: Логос, 1999.

Фадеева О.П. Хозяйственные уклады в современном российском селе // *Социологические исследования*, 2007. № 11.

Фадеева О. Хозяйственные стратегии сельских семей // *Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы* / Отв. ред. Т.И.Заславская, З.И.Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999.

Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. М., Сообщество профессиональных социологов, 2005.

Покровский Н.Е. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // *Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ*. М., Флинта, 2005.

Виноградский В.Г. Глубинка как «Locus Standi» // *Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека: Сб. материалов конференции «Локальные истории»* (Норильск). М.: Новое литературное обозрение. 2007.